

«ЭСХАТОЛОГИЯ СПАСЕНИЯ» Н. А. СЕТНИЦКОГО В СВЕТЕ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

© И. В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович
кандидат философских наук
доцент
кафедры философии
Самарский государственный
аэрокосмический универси-
тет им. С. П. Королёва
ilyadem@rambler.ru

В статье рассматривается учение об идеале русского философа-космиста Н. А. Сетницкого. Проводится параллель между новым пониманием идеала в концепции Н. А. Сетницкого и мировоззрением современного трансгуманизма.

Ключевые слова: идеал, целостный идеал, эсхатология, цель, русский космизм, бессмертие, трансгуманизм.

Тема идеала не пользуется в последние десятилетия особой популярностью у философов. Немногочисленные рассуждения об идеале в современной философии определяются главным образом традицией, идущей от Канта и неокантианцев. Утверждения о том, что идеал есть *ориентир* наших действий, а не их *конечная цель*, что идеал по самой своей природе *недостижим*, что разрыв между идеалом и действительностью непреодолим, давно уже стали чем-то само собой разумеющимся¹. Однако так ли очевидны все эти утверждения? Не является ли их очевидность мнимой? Мы намерены показать, что утвердившемуся представлению о сущности идеала (идеал как «*недостижимый* идеал») существует вполне внятная альтернатива. Наиболее ярко она представлена в философии русского космизма.

¹ См.: Новиков А. А. О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: РОССПЭН, 1996. С. 136–155; Черткова Е. Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Там же. С. 156–187; Мудрагей Н. С. Идеал — проблема выбора // Там же. С. 115–135.

Обращение к идейному наследию русского космизма представляется актуальным в связи с возникновением и утверждением нового направления в общественной мысли — *трансгуманизма*. Философия русского космизма является общепризнанным идейным источником трансгуманизма. Трансгуманизм как мировоззрение, трансгуманистический проект будущего, «кибернетическое бессмертие» — эти темы в последние годы стали едва ли не наиболее обсуждаемыми в научных и философских сообществах.

Русский космизм является не просто духовным истоком, но также и адекватным концептуальным основанием, позволяющим обсуждать наиболее значимые вопросы трансгуманистического мировоззрения. Это, впрочем, не означает, что космизм следует рассматривать как нечто вполне оформленное и завершённое. Русский космизм, каким он предстаёт на основании знакомства с работами Н. Ф. Фёдорова, В. Н. Муравьёва, Н. А. Сетницкого, А. К. Горского и других философов, — это не столько целостная философская система, сколько *эскиз* или беглый *набросок* таковой.

В традиции русского космизма проблема сущности идеала специально рассматривалась Н. А. Сетницким в работе «О конечном идеале»². Эта работа построена в форме полемики с концепцией русского философа П. И. Новгородцева³, близкого к неокантианству. Обратимся к основным идеям Н. А. Сетницкого.

Проблема идеала рассматривается Н. А. Сетницким как проблема *действия*. Категории *действия* и *идеала* неразрывно связаны друг с другом. Это *соотносительные* категории: действие — это действие *по осуществлению идеала*, а идеал — это *воплощаемый* (осуществляемый, реализуемый) *в действиях* идеал. «Всякий идеал, — пишет Н. А. Сетницкий, — должен мыслиться как некоторый конкретный результат деятельности, как предел какого-то действия. Действительность идеала есть конкретный предел действия, есть его действительное воплощение»⁴.

Бытие идеала — это *действенное воплощение*. Быть для идеала — значит *быть действительно воплощаемым в действительность*: «Взаимодействие между действительностью и идеалом представляет не что иное, как осуществление и воплощение идеала в действительности»⁵.

«В отношении к наличной действительности идеал есть нечто не наличное, не осуществленное и реально не присутствующее. Действительность идеала есть не что иное, как воплощение и осуществление его. На вопрос, что выше

² Сетницкий Н. А. О конечном идеале // Сочинения / А. К. Горский, Н. А. Сетницкий ; сост. Е. Н. Берковской (Сетницкой), А. Г. Гачевой ; вступ. ст. и прим. А. Г. Гачевой. М. : Раритет, 1995. С. 287–358.

³ Речь идёт об известной работе П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» (Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. 640 с.). Полемически заострённым представляется уже само название работы Н. А. Сетницкого — «О конечном идеале». В нём содержится указание на *конечность* (то есть принципиальную *достижимость*) идеала в пику представлениям о его принципиальной *неосуществимости*, *недостижимости*.

⁴ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 290.

⁵ Там же. С. 305.

и больше: идеал в представлении или в осуществлении, несомненно, следует ответить, что в осуществлении. Отношение между идеалом в представлении и действительностью идеала таково, как между проектом здания и осуществленным, построенным зданием»⁶. Человеческая деятельность есть та среда, в которой идеал воплощается в действительность, в которой те или иные суждения об идеале, о соотношении идеала и действительности, о приближении к идеалу или об отдалении от него вообще имеют какой-либо смысл.

Сетницкий говорит о двух идеалах или двух *типах* идеала — «бесконечного совершенствования» и «конечного совершенства»: «Рассматривая два идеала: идеал “конечного совершенства”, с одной стороны, и идеал “бесконечного совершенствования”, с другой, мы приходим к выводу, что оба они зиждутся на некоторых предпосылках, определяющих существо человеческого действия и человеческой мысли»⁷. Не будет преувеличением сказать, что здесь мы имеем дело с двумя фундаментальными *моделями* или *парадигмами* осмысления сущности идеала.

Базовой для понимания идеала «конечного совершенства» может служить *метафора рая на земле*. Рай на земле — это воплощённый, осуществлённый идеал. Идеал здесь мыслится как конечная, предельная цель человеческих устремлений. Идеал полагается принципиально *достижимым*.

Базовой для понимания «идеала бесконечного совершенствования» выступает *метафора линии горизонта* или *путеводной звезды*. Идеал, уподобляемый линии горизонта, мыслится принципиально (априори) недостижимым, разрыв между идеалом и действительностью с самого начала рассматривается как *непреодолимый*. Человеческое действие *бессильно* преодолеть этот разрыв⁸. Идеал выступает не в качестве конечной и предельной *цели* нашей деятельности, но в качестве её *ориентира*.

В современной отечественной философии такое понимание идеала является господствующим. Так, А. А. Новиков пишет: «Кантовская экспликация идеала как “максимума совершенства”, недостижимого на практике, но служащего своего рода путеводной звездой общественного прогресса, сохранила свою значимость до настоящего времени»⁹. Идеал есть «эталон совершенства». В качестве такового «он всегда содержит в себе элемент неосуществимости, что, однако, не свидетельствует о его практической бесполезности. Важно, однако, понять, что абсолютное в идеале должно расцениваться не в качестве цели, а исключительно в качестве мотива»¹⁰. Об этом же пишет и Е. Л. Черткова: «Кант предлагает оценивать идеал не по его достижимости, а по той роли, которую он выполняет в жизни человека и общества. Главным для него является значение идеала как регулятивного принципа, обеспечивающего воз-

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Там же. С. 292.

⁸ Именно в своём стремлении преодолеть этот разрыв человеческое действие обнаруживает своё бессилие.

⁹ Новиков А. А. О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: РОССПЭН, 1996. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 144.

можность совершенства человеческих поступков, когда идеал выступает и как критерий их оценки, и как ориентир совершенствования личности»¹¹.

Идеал, понятый не как *цель*, а как *мотив* и *ориентир*, выступает в качестве своеобразной *приманки* для действующего человека. Но всякая *при-манка* предполагает *об-ман* или *само-об-ман*. Мы стремимся к идеалу (стремимся *достичь* идеала), зная, что он *недостижим*. Такое действие — это «действие из самообмана». Если базовой метафорой идеала выступает «линия горизонта», если сам идеал мыслится по аналогии с линией горизонта, то непонятно, как возможно *приближение* к идеалу? Можем ли мы приблизиться к линии горизонта? На основании каких критериев мы можем зафиксировать приближение к идеалу (и, соответственно, отдаление от него)? В парадигме идеала как априори *неосуществимого* таких критериев нет.

Если идеал есть ориентир и мотив наших действий, то следует уточнить, что ориентир всегда направляет нас *на что-то*. На *что* ориентирует наше действие *так понятый* идеал? Этот вопрос в контексте господствующего кантовского понимания идеала принципиально не может быть разрешён. Ведь ориентир должен направлять действие на *цель*, указывать *путь*, ведущий к цели. Но идеал — это и есть конечная или предельная цель наших стремлений.

Здесь, однако, есть один нюанс: и Кант, и Новгородцев, и их современные последователи говорят об идеале как об *общественном* идеале («вечный мир», «справедливое общество» и пр.). «Общественный идеал, — пишет А. А. Новиков, — был и остается своеобразной линией горизонта, с которой сравнивал его Кант. Человек никогда не сможет ее достичь, но без нее он утратил бы чувство перспективы в своем развитии»¹².

По-видимому, господствующее кантовское понимание идеала и не предполагает иного его наполнения. Идеал мыслится лишь как *общественный* идеал, как определённое *состояние общества*. Критика парадигмы «конечного идеала» (идеала как цели) в кантовской традиции основывается на том допущении, что всякий идеал есть идеал *общественный*.

Противники «конечного идеала» в качестве основного аргумента обычно выдвигают то обстоятельство, что достижение идеала будет означать «прекращение развития», вечный покой, статус-кво, то есть в конечном счёте *смерть*. Такое возражение представляется вполне обоснованным, если сам «конечный идеал» полагается как *факт* и как *состояние* (совершенства, завершенности). Если иное понимание и иное наполнение категории идеала было бы невозможно, то неокантовскую критику идеала «земного рая» можно было бы принять.

Однако в традиции русского космизма мы сталкиваемся с совсем иным пониманием и наполнением идеала. Идеал здесь есть нечто *большее* и иное, чем просто «совершенное общество» («рай на земле»). Перед человеком здесь ставится более масштабная и глобальная цель — преобразование самой природы человека, *преодоление смерти*, а не просто «оптимизация» общественных отно-

¹¹ Черткова Е. Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : РОССПЭН, 1996. С. 173–174.

¹² Новиков А. А. О парадоксах идеала. С. 155.

шений. При этом достижение этого идеала, его воплощение совсем не обязательно должно означать прекращение «развития» и «вечный покой». Ведь достижение идеала можно рассматривать не как переход к состоянию абсолютного совершенства, в котором развитие (совершенствование) будет уже невозможно (и ненужно), а как новый *способ* или новое *качество* человеческого бытия. Вопрос о том, каким должно быть *содержание* идеала в контексте понимания идеала как принципиально *достижимого*, мы оставляем здесь без развёрнутого ответа.

В рассматриваемых парадигмах идеала по-разному понимается не только онтологический статус идеала, но и сама природа человеческой деятельности, а также соотношение действительности и идеала. «Идеал “конечного совершенства” сам по себе уже предполагает, что в действительности в той или иной форме заложена потенция его осуществления, есть мощь и сила, способная его реализовать. Наоборот, идеал “бесконечного совершенствования” исходит из мысли об отсутствии в действительности подобного рода потенций. Мысль о потенциальном всемогуществе человека и признание его принципиального бессилия — таковы основы, на которых строятся оба рассматриваемых идеала»¹³.

Обратим внимание ещё на один важный аспект соотношения *идеала*, *действия* и *действительности*. Воплощение идеала в действительность, осуществление идеала мыслится Н. А. Сетницким как *упорядочивание* действительности, внесение, привнесение *порядка*. Смысл действия усматривается в том, «чтобы наличную хаотическую, беспорядочную действительность сменить усовершенною и завершённою действительностью идеала»¹⁴. Наличная действительность мыслится как действительность хаотическая и беспорядочная (это *природа* как способ бытия, в основании которого лежит смена последующим предыдущего, рождение и гибель, возникновение и исчезновение). Осуществление идеала — это упорядочивание, утверждение порядка, *регуляция* природы (в терминологии Н. Ф. Фёдорова).

Ключевой момент в концепции Н. А. Сетницкого — отождествление понятий *цели* и *идеала*, точнее, отождествление идеала с целью, с *конечной* целью.

Идеал есть *конечная* цель. В строгом смысле слова, подлинный идеал (у человека/человечества) может быть только *один*, поскольку он есть *конечная*, *предельная* цель человеческих устремлений.

Н. А. Сетницкий критикует трактовку деятельности у П. А. Новгородцева, опираясь на исходное положение о том, что деятельность — это деятельность *воплощения* и *осуществления*: «Цель, ускользающая и скрывающаяся в момент приближения к ней, по существу подменяется. Можно сказать, что утверждение подобного идеала равносильно утверждению бессилия всякой деятельности. Деятельность не в силах осуществить то, что видится в идеале, что считается целью»¹⁵.

Цель входит в структуру деятельности: «Для действия и деятельности цель есть необходимый момент акта, и цель — не в неопределённой и отвлечённой

¹³ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 293.

¹⁴ Там же. С. 316.

¹⁵ Там же. С. 291.

ченной формулировке, а в смысле конкретного предела, т. е. определенной задачи, обусловленной теми возможностями, которые даны деятелю»¹⁶. Здесь мы встречаемся с интересной мыслью о том, что *цель и идеал всегда некоторым образом коррелируют с нашими возможностями*. К сожалению, эта мысль далее нигде не развивается Н. А. Сетницким. А между тем этот тезис может иметь важные последствия, его следует рассматривать как конкретизацию и разъяснение положения о принципиальной достижимости идеала: мы не можем определить для себя *нереализуемый идеал, мы не можем поставить недостижимую цель*, выдвижение идеала — это уже констатация его принципиальной достижимости, «осуществимости».

Действие, в строгом смысле слова, *возможно* лишь в том случае, если цель, на которую оно направлено, полагается принципиально *осуществимой*. Если же цель «удаляется» от нас по мере того, как мы к ней «приближаемся»¹⁷ (метафора «горизонта» или «путеводной звезды»), то проявляемую нами форму активности нельзя называть «деятельностью», ведь деятельность — это *деятельность воплощения/осуществления*. Движение к линии горизонта, которое ни на шаг не приближает нас к цели и, по сути, является *топтанием на одном месте*, нельзя рассматривать как *деятельность*. Такова, согласно Н. А. Сетницкому, природа усилий, направленных на воплощение идеала «бесконечного (само)совершенствования». Это не что иное, как «сизифов труд». «Сизифов труд», конечно, не является *трудом* в собственном значении слова, так как трудовая деятельность априори *результативна и результатна*¹⁸. «Сизифов труд» — это *априори безрезультатная* форма активности. Это деятельность, которая ничего не делает, это *бессильная и бесцельная* деятельность.

Стремиться можно лишь к тому, что изначально предстаёт нам как *потенциально* и *принципиально* достижимое. *Априори недостижимое* не может быть предметом наших устремлений. Никто не держит путь к «линии горизонта». В основании кантианской и неокантианской концепции идеала, развиваемой П. И. Новгородцевым, лежит своего рода методологический *самообман*¹⁹. Идеал в парадигме «бесконечного совершенствования» не просто *недостижим*, но и (что гораздо важнее) *недостигаем*.

Н. А. Сетницкий разоблачает идеал «бесконечного совершенствования» как идеал мнимый, иллюзорный: «Понятие идеала... “необходимо”... но ... мыслить его “осуществимым” ... “ошибочно и ложно”. Что скрывается за этими словами, одновременно признающими и отрицающими? Только одно. Они значат, что идеал этот не есть и не может быть чем-то действительным. Нет надобности в действительном идеале. Если человечеству необходим какой-

¹⁶ Там же. С. 290.

¹⁷ Никакого *удаления* или *приближения* в действительности, конечно, нет, это лишь наши «субъективные» иллюзии.

¹⁸ Именно потому, что деятельность по своей сущности *результатна*, отдельные её акты могут представлять как «безрезультатные», то есть «малопродуктивные».

¹⁹ Мы *знаем*, что идеал недостижим, но действуем так, как будто он уже *дан* нам во всей своей полноте и во всём своём совершенстве. Как иначе можно было бы констатировать «приближение» к идеалу или «отдаление» от него?

либо идеал, то он может быть только мнимым идеалом»²⁰. Подлинный же идеал есть идеал осуществляемый и осуществимый.

Идеал — это указание цели. Н. А. Сетницкий особенно подчёркивает действительную и даже *императивную* природу идеала: «Как указание цели идеал не есть нечто пассивное, указанное и призываемое извне... Идеал всегда одновременно является и повелением. Идеал императивен в самой своей основе, и как таковой он действителен»²¹. Это уточнение позволяет чётко различить идеал и фантазию, воображение. Воображение (не в психологическом только, но в *онтологическом* смысле) есть условие возможности (существования для нас) идеала. Идеал существует для нас благодаря воображению и посредством воображения. Но это не значит, что идеал есть нечто «только воображаемое», «пустая фантазия». Идеал *действителен, императивен и проективен*. Он всегда уже есть для нас конечная цель наших действий, императив и проект.

Ещё одна важная характеристика идеала, выделяемая Н. А. Сетницким, — его *эсхатологичность*: «Идеал по самому смыслу своему есть крайнее, последнее и величайшее задание, к которому стремится человечество. С этой точки зрения всякий идеал эсхатологичен»²².

Всякий подлинный идеал есть *образ конца*. Конец чего? Конец истории.

Н. А. Сетницкий отвергает кантианскую парадигму (идеал как принципиально недостижимый), но и коммунистический утопизм («земной рай» как совершенное состояние *общества*) для него неприемлем: «Против эсхатологических построений “земного рая” и идеалов “конечного совершенства”, — пишет Н. А. Сетницкий, — необходимо выставить тоже эсхатологические построения большей силы, прямоты и продуманности, чем нигилистические и противоречивые построения “бесконечного совершенствования”, ведущие в существе к “совершенному концу”, в черную яму небытия»²³.

Коммунистический утопизм, согласно Н. А. Сетницкому, исходит из верных представлений о *природе* идеала (парадигма конечного *осуществимого* идеала), но сам декларируемый в коммунизме идеал (его *содержание*) для Н. А. Сетницкого неприемлем. Впрочем, в работе «О конечном идеале» Сетницкий вообще не рассматривает вопрос о *содержании* идеала. Он лишь показывает, что определение *содержание* идеала относится к компетенции такой области культуры, как *религия*: «Наиболее полный и продуманный материал для построения и провозглашения цели и идеала можно найти в сфере религии или религий. Бесплезно искать обоснование идеала в науке и в искусстве, ничего для построения его не даст и жизнь как таковая»²⁴. Тот факт, что именно религия призвана «наполнить» идеал конкретным идейным содержанием, связан с «практической» и «телеологической» ориентацией религии: «основа и смысл всякого религиозного акта есть не что иное, как фиксация

²⁰ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 297.

²¹ Там же. С. 308–309.

²² Там же. С. 299.

²³ Там же. С. 304.

²⁴ Там же. С. 353.

цели, будь то отдельная, конкретная цель, задача сегодняшнего дня или цель существования мира»²⁵.

Н. А. Сетницкий различает два типа эсхатологических построений — «эсхатология спасения» («эсхатология жизни») и «эсхатология гибели». В связи с проблематикой идеала это означает: «жизнь и всеобщее спасение» можно рассматривать как идеал и проект, но «всеобщая гибель» не может быть проектом (и, соответственно, *идеалом*). «Всеобщую гибель» можно назвать идеалом разве что в метафорическом смысле, так как здесь отрицается деятельностная и проективная природа идеала. «Всеобщая гибель» — это искажение, извращение подлинного идеала, это *пародия* на идеал.

«Всеобщее спасение» мыслимо лишь как результат *труда* и *усилий*. Всеобщая же гибель — как простой результат «естественного хода вещей». Чтобы «реализовался» этот *квази-идеал*, достаточно просто «довериться» естественному ходу вещей, «плыть по течению». «Эсхатологии жизни, — пишет Н. А. Сетницкий, — хотя бы и не разработанные и недостаточно продуманные, всегда будут заостряться в деловое творческое напряжение трудового типа, тогда как для осуществления эсхатологии гибели достаточно предоставить стихийным силам среды действовать свободно. Спасение есть всегда результат усилий, тогда как гибель требует лишь воздержания и непротивления»²⁶. Эсхатология спасения и жизни предполагает труд, активность, усилие, напряжение сил. Эсхатология гибели — пассивность, инертность, расслабленность.

Эсхатологии спасения Сетницкий подразделяет в свою очередь на эсхатологии *всеобщего* и эсхатологии *частичного* спасения. В качестве примера последних Сетницкий рассматривает коммунистический проект будущего и христианство в его ортодоксальной версии, в которой спасаются лишь праведники, а грешники осуждаются на вечную муку²⁷. Эсхатология всеобщего спасения (как и подлинный целостный идеал), в строгом смысле слова, может быть только *одна*. Разработка этой эсхатологии, по сути, тождественна с выдвиганием подлинного и целостного идеала. Прообраз эсхатологии всеобщего спасения Сетницкий усматривает в учении Н. Ф. Фёдорова²⁸.

Итак, всякий подлинный идеал — это идеал *воплощаемый*. Идеал есть конечная цель наших действий. Перейдём теперь к вопросу о *стадиях* вопло-

²⁵ Там же. С. 353.

²⁶ Там же. С. 339.

²⁷ «Обе эти эсхатологии (христианская и коммунистическая. — *И. Д.*) являются эсхатологиями не всеобщего, а частичного спасения, частично восторжествовавшей жизни» (*Сетницкий Н. А.* О конечном идеале. С. 342).

²⁸ Содержательные аспекты эсхатологии всеобщего спасения обсуждаются Сетницким в статье «Целостный идеал» (*Сетницкий Н. А.* Целостный идеал // Федоров Н. Ф.: PRO ET CONTRA. Книга 1 (Антология). СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2004. С. 659–689). «В учениях Н. Ф. Федорова, — пишет Н. А. Сетницкий, — отчетливо намечаются очертания того, что было охарактеризовано как “целостный” идеал. Сам он не пользуется термином “идеал”, везде говоря о “деле”, о задаче, которая должна быть разрешена человечеством, о пути, по которому оно должно идти, и т. д. При всем том сам он вполне ясно сознает природу своих построений, отчетливо противопоставляя свои мнения обычным суждениям о социальном идеале» (*Сетницкий Н. А.* Целостный идеал. С. 685).

щения идеала. Н. А. Сетницкий выделяет четыре стадии существования (то есть *воплощения*) идеала («идеогонического процесса»):

- именование или «фиксация»,
- конкретизация,
- «ориентировка»,
- непосредственное осуществление.

На первой стадии (*именование*) идеал отливается, отчеканивается в точную формулу, которая содержит указание на конечную цель (например, «рай на земле», «идеальное государство», «законченное совершенство»).

На второй стадии (*конкретизация*) создаётся *образ желаемого результата*: «Конкретизация идеала есть не что иное, как создание образа его осуществления, образование представления этого осуществления даже до момента приступа к его осуществлению (в узком смысле этого слова)²⁹. На этой стадии мы получаем ответ на вопрос, *что именно* мы хотим, *что именно* является нашей конечной целью, желаемым результатом наших действий. Конкретизация идеала — это своего рода «объективация»: «В конкретизации мы имеем объективацию идеала в предварительной и условной форме, осуществляемой при помощи воображения³⁰. Образ, осознаваемый как идеал и конечная цель, становится началом, *преобразующим* сознание (субъекта действия), «воздействуя на него в направлении образования системы руководящих и направляющих к осуществлению его диспозиций»³¹.

Третью стадию Н. А. Сетницкий обозначает как «ориентировку». Под «ориентировкой» он понимает исследование самой действительности *с точки зрения идеала и движения к нему*. Эта стадия необходима, поскольку идеал с самого начала полагается как действенный и императивный. При этом «чем выше и значительнее идеал, чем больше и возвышенней задача, тем глубже и совершенней должна быть ориентировка, тем больше захват и объем изучения действительности, ибо в этой действительности мы ищем и находим точки отправления и исходный материал для реального, жизненного строительства идеала»³². Концепция идеала Н. А. Сетницкого не предполагает бесконечного и ни к чему не ведущего «третирования» действительности как «несоответствующей идеалу», но ориентирована на то, чтобы в самой действительности усмотреть пути и возможности воплощения идеала, преодоления разрыва между ней и идеалом.

Последняя стадия (осуществление) не рассматривается Сетницким подробно. Он лишь замечает, что осуществление идеала «является делом³³ в последнем и прямом смысле этого слова»³⁴ и что *начальной* стадией осуществления идеала должен стать ответ на вопрос «кто?» (кто призван к воплощению идеала?).

²⁹ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 313.

³⁰ Там же. С. 315.

³¹ Там же. С. 315.

³² Там же. С. 319.

³³ Здесь можно усмотреть аллюзию на «философию общего дела» Н. Ф. Фёдорова.

³⁴ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 320.

На первой стадии решается вопрос «зачем?», «во имя чего?». На второй стадии — вопрос «что?» («что именно?»). На третьей стадии — вопрос «как?» (соответственно, «когда?» и «где?»). На начальном этапе четвёртой стадии — вопрос «кто?».

Рассмотренные четыре момента идеала являются условиями его существования. Однако далеко не всё, что мы именуем «идеалом»³⁵, содержит в себе ответы на указанные вопросы. В том случае, если один, два или три из этих четырёх моментов (этапов) отсутствуют, выпадают из рассмотрения, мы получаем *дробный* идеал. Дробный идеал, в отличие от идеала целостного, не может быть осуществлён, он обречён всегда оставаться лишь «мысленным построением»: «Попытка осуществить его не приведет к желанным результатам и лишь повлечет окончательное его посрамление, дискредитацию и срыв»³⁶.

Сетницкий даёт классификацию и описание различных видов дробных идеалов (теологическо-религиозные, художественно-фантастические, научно-познавательные, традиционно-бытовые). В основании каждого из этих типов дробных идеалов лежит какой-то один из четырёх моментов целостного идеала. При этом только теологическо-религиозные идеалы могут претендовать на то, чтобы быть *конечными целями* человеческих действий. Но, остановившись на первой стадии (именование) «идеогонического» процесса, они остаются лишь пустыми декларациями или благими пожеланиями.

Н. А. Сетницкий в своей работе анализирует формальную структуру идеала и выявляет его основные компоненты и стадии, но не говорит о *содержании* идеала. Это и понятно, ведь *наполнение* идеала конкретным содержанием — это задача *мировоззрения* (в широком значении слова — включая сюда и религию), а не философии и науки.

Какой идеал может претендовать на то, чтобы быть подлинным и целостным идеалом, конечной целью человеческих устремлений? В русском религиозном космизме таким идеалом выступает бессмертие *человека*, бессмертное *человеческое* бытие.

Основной онтологический аргумент против идеи бессмертия человека до сих пор заключался в следующем: «человек» и «смертный» — это синонимы; смерть (и сознание/осознание своей смертности) есть то, что делает человека человеком, конституирует специфически человеческий способ существования. Эта «очевидность», впрочем, при ближайшем рассмотрении представляется не столь уж и очевидной. «Смерть, — писал Н. Ф. Фёдоров, — есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть»³⁷. Переводя этот тезис Фёдорова на язык фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, следовало бы сказать: смертность есть характеристика *сущего*, именуемого человеком (в его нынешнем состоянии), а не сущностная структура *бытия* этого сущего (бытия-в-мире).

³⁵ Сетницкий замечает, что слово «идеал» применяется к самым различным вещам: идеал «земного рая», идеал «рыцаря», идеал «честного купца» и т. д. (См.: Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 323).

³⁶ Сетницкий Н. А. О конечном идеале. С. 322.

³⁷ Фёдоров Н. Ф. Сочинения / вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. М.: Мысль, 1982. С. 365.

Почему именно *смерть* полагается в качестве границы, отделяющей *человеческий* способ существования от *нечеловеческого*? Этот вопрос в философии до сих пор ещё не получил должного осмысления, но его постановка сама по себе уже способна поколебать устоявшееся представление о том, что именно смерть (смертность) есть то, что «делает» человека человеком.

Выдвигая тезис о том, что *бессмертное человеческое бытие* есть конечный, подлинный и целостный идеал и конечная цель человеческих действий, мы оставляем открытыми целый ряд принципиальных философских и мировоззренческих вопросов:

- как соотносится *бессмертие человека* как конечный и целостный идеал и конечная цель человеческих действий с религиозной идеей *бессмертия души*;
- как совместить идею бессмертия человека с фактом его биологической (шире — *природной*) обусловленности, одним из аспектов которой как раз и является его смертность;
- как соотносится идея *бессмертия* человека и идея *жизни*?³⁸

Теперь следует спросить: какое мировоззрение со всей серьёзностью ставит вопрос о бессмертии человека и рассматривает *бессмертие* как высшую и конечную цель человеческих устремлений? С некоторой долей условности это мировоззрение можно обозначить как «трансгуманизм».

Трансгуманизм известен на Западе с 60-х гг. XX в. как общественное движение, выступающее за максимальное продление человеческой жизни и расширение физических, психологических, интеллектуальных способностей человека. В таком виде трансгуманизм, конечно, не привносит ничего принципиально нового в мировоззренческом и философском отношении. Однако начиная с 90-х гг. в работах отечественных и западных философов и учёных во многом в результате рецепции трансгуманистических идей всё чаще начинает подниматься вопрос о *бессмертии человека*³⁹.

В основании трансгуманистического проекта и образа будущего лежит представление о сущности идеала, разработанное в философии русского космизма, это мировоззрение несовместимо с господствующим кантовским пониманием цели и идеала.

В настоящее время мы можем констатировать *поворот к бессмертию* как одну из определяющих тенденций в современной философии и науке. «Поворот к бессмертию» может сыграть в современной культуре *парадигмальную* роль, стать символом и знаменем новой парадигмы. «Поворот к бессмертию» в этой связи следует понимать по аналогии с «поворотом к языку» («лингвисти-

³⁸ Здесь мы сталкиваемся с глубоко укоренившимся представлением, которое выражается обычно в сентенциях: «всё живое смертно», «что не умирает, то и не живёт» и т. п.

³⁹ В России рецепция трансгуманистических идей связана, прежде всего, с деятельностью Стратегического общественного движения «Россия 2045» (см.: *Ицков Д.* «Эволюция 2045»: футуризм, космизм и русская экспансия. URL: <http://www.2045.ru/articles/30693.html> (дата обращения: 05.04.13); *Ицков Д.* Путь к нечеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045». URL: <http://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 05.04.13).

ческий поворот»), «поворотом к нарративу» («нарративный поворот»), «поворотом к человеку» («антропологический поворот»), и т. д. Эволюционный трансгуманизм, возобновляя традиционные философские вопросы, прежде всего, вопрос о смерти и бессмертии, может стать основанием новой парадигмы в философии и науке, продуктивной альтернативой тупиковой «парадигмы постмодерна».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ицков, Д.* «Эволюция 2045»: футуризм, космизм и русская экспансия. URL: <http://www.2045.ru/articles/30693.html> (дата обращения: 05.12.12).
2. *Ицков, Д.* Путь к нечеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045». URL: <http://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 05.12.12).
3. *Мудрагей, Н. С.* Идеал — проблема выбора // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 115–135.
4. *Новгородцев, П. И.* Об общественном идеале. — М. : Пресса, 1991. — 640 с.
5. *Новиков, А. А.* О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 136–155.
6. *Сетницкий, Н. А.* О конечном идеале // Сочинения / А. К. Горский, Н. А. Сетницкий ; сост. Е. Н. Берковской (Сетницкой), А. Г. Гачевой ; вступ. ст. и прим. А. Г. Гачевой. М. : Раритет, 1995. — С. 287–358.
7. *Сетницкий, Н. А.* Целостный идеал // Федоров Н. Ф.: PRO ET CONTRA. Книга 1 (Антология). — СПб. : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2004. — С. 659–689.
8. *Федоров, Н. Ф.* Сочинения / вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. — М. : Мысль, 1982. — 711 с.
9. *Черткова, Е. Л.* Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 156–187.